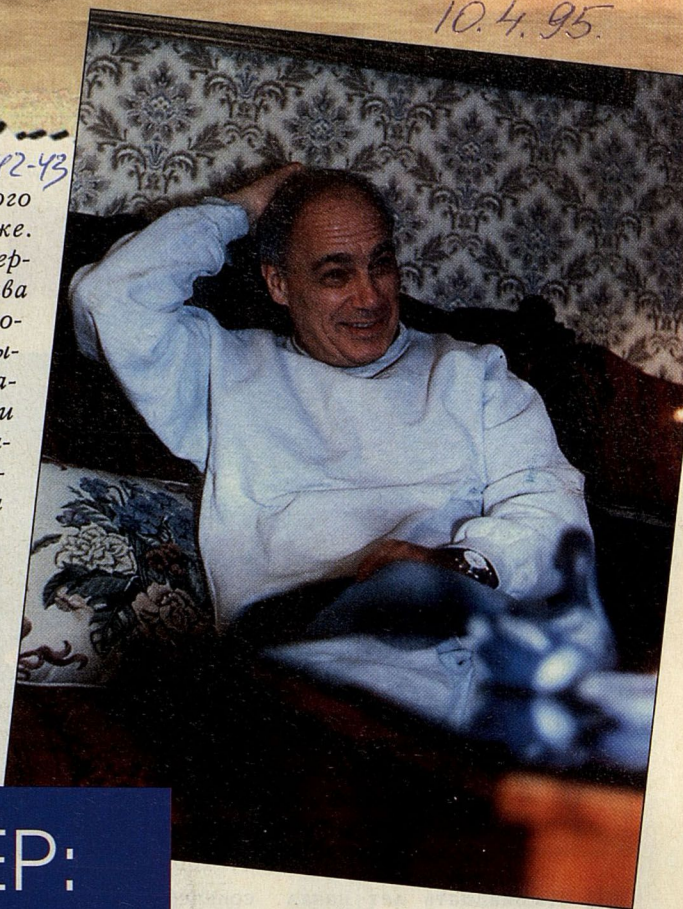

Дн. Нак. - 1995 - 10-16 апр. - с. 42-43

В о Владимире Познере необычно все. Сын русского эмигранта и француженки, он родился в Париже. Закончил школу в США. В 1953 году (за год до смерти Сталина) его семья приехала в Советский Союз (слава Богу, что заветная мечта отца вернуться на родину, которую он покинул вместе с родителями в 14 лет, не сбылась раньше, — иначе бы не миновать Познерам концлагеря). За считанные дни выучив русский язык фактически с нуля, Владимир поступил на биологический (тогда почвенный) факультет МГУ, набрав 24 балла из 25-ти возможных. А после его окончания оказался на Иновещании в американской редакции.

С 1991 года он живет и работает в Нью-Йорке и при этом не пропадает с наших экранов. Каждый месяц Владимир Владимирович прилетает из Штатов на четыре дня и умудряется записать сразу три-четыре передачи (два или три выпуска «Мы» и один «Если...»). Его дочь Катя уехала в Германию, а сын, Петр Орлов, собственный корреспондент НТВ в США, живет в Вашингтоне.

ВЛАДИМИР ПОЗНЕР: «Я РОДИЛСЯ НЕ В АМЕРИКЕ»

бабушка всегда говорила, что его «бесплатность» еще как-то можно вынести. Но какое счастье, что не додумались до бесплатного питания. Владимир Владимирович, вам удалось сохранить в себе идеалистическое восприятие жизни?

— В смысле стремления к идеалу, его поисков — да. Я был и остаюсь социально активным человеком. Но теперь я скорее опечаленный идеалист. Мне очень часто приходилось разочаровываться в своих представлениях о чем-то. Вот и в Америке я живу и работаю не совсем по своей воле. В 91-м году после одного из моих интервью по ТВ, в котором я сказал, что, выбирая президента, предпочел бы Ельцина Горбачеву, меня вызвал заместитель тогдашнего председателя Гостелерадио Кравченко и сказал, что вряд ли стоит мне оставаться политическим обозревателем. И тогда, разочаровавшись в «советской гласности», я решил принять приглашение американской телекомпании. С тех пор мы с Филом Донахью делаем передачу, которая так и называется: «Познер и Донахью». Она выходит в эфир два раза в неделю по достаточно крупному кабельному каналу Си-Эн-Би-Си.

— Я знаю, что вы живете с женой в Нью-Йорке — очень дорогом городе. Квартиру вам оплачивает компания?

— Нет, что вы. Я зарабатываю достаточно, чтобы самому содержать семью. У нас вполне скромная квартира в 47-этажном доме с одной спальней (в Америке квартиры измеряются количеством спальных комнат), большой гостиной, кухней и маленьким кабинетом. Но она в очень хорошем районе.

— Бог с ней, с американской, но, признаюсь, ваша московская квартира меня потрясла. И не только районом, в котором она находится, — тихий переулочек старой Москвы, но и своими размерами (два этажа) и, конечно, обстановкой.

— Не два этажа, а полтора. Эта квартира — бывшая коммуналка, которая нам досталась в 75-м году после сложнейшего обмена. В ней жило несколько семей, а наверху была самая настоящая псарня. Так что можете себе представить, в каком состоянии квартира пребывала. Ремонт затянулся на несколько лет. А всю «антикварную мебель», что вы здесь видите, мы нашли на помойках. Спинка дивана, на котором я сейчас сижу, была разломана пополам. Я уж не говорю про обивку. И эти шкафы, и эта картина, которая была по-

— Владимир Владимирович, вы помните свои первые впечатления от Советского Союза?

— Родителей шокировала серая реальность московской жизни. Думаю, что мама всегда скучала по Парижу, но никогда не говорила об этом вслух. Для нее был главным в жизни муж, которого она очень любила, и дети — мы с братом. А я поначалу мало что замечал. Мне надо было срочно одолеть русский язык — для поступления в университет, на биофак. Я увлекался теорией рефлексов Павлова, хотел изучать проблемы мозга. Экзамены я сдал успешно, но меня не приняли. Я долго не мог добиться от приемной комиссии — почему, пока одна добрая женщина, предупредив, чтобы я на нее никогда и нигде не ссылался, объяснила, что, во-первых, у меня плохая фамилия — Познер (а не Иванов), а во-вторых, биография куда не годится. Это меня потрясло. В Америке я выступал за равноправие негров, за что был неоднократно бит. И считал, что уж в Советском Союзе ничего подобного быть не может. Я вернулся домой, в гостиницу «Метрополь», — тогда квартиры у нас еще не было — и рассказал обо всем отцу. Мой беспартийный отец отправился в ЦК и стукнул там кулаком по столу. Одного раза не хватило. Пришлось ему крушить казенные столы целый месяц. Все-таки он достучался, и меня приняли. Правда, за этот месяц хотели забрать в армию, причем в разведшколу. Я недоумевал: как же так, для университета моя биография не годится, а для разведшколы — вполне?

— А в комсомол вы вступили?

— Да, я очень этого хотел. А приняли меня с огромным трудом. На вопрос, участвовал ли я в подпольной борьбе американских революционеров, я ответил отрицательно, чем многих разочаровал.

Тем не менее мне нравились многие вещи в Советском Союзе. Например, бесплатное образование для всех, бесплатная медицина, да и жилье в ту пору ничего не стоило.

— Относительно советского медицинского обслуживания моя

рвана в нескольких местах, — все с московских помоек. Люстру я нашел на балконе у одного забулдыги. Единственное, что мы купили, — 12 стульев пушкинской эпохи. По объявлению в газете. Но они были в таком состоянии, что плакать хотелось. Мы очень любим свой дом, сюда, между прочим, очень мало кто входит — только близкие друзья. Поэтому мы так кропотливо его создавали, понимая, что финские стенки — не то, что нам нужно. А теперь, конечно, все это выглядит так, как будто бы мы миллионеры.

— **Владимир Владимирович, я полагаю, что размер ваших гонораров на отечественном ТВ превращает эту работу в чистое хобби, — ничего, кроме удовольствия вы не получаете.**

— Ошибаетесь. Конечно, я счастлив, что могу делать свои авторские передачи для наших зрителей. Но АТВ не только берет на себя все расходы по моим ежемесячным прилетам в Москву, но и платит мне за программу «Мы» столько, что я могу назвать эту сумму существенной статьей своего дохода.

— **А как же вы выдерживаете такие колоссальные физические нагрузки? Обычно люди после многочасового перелета и разницы во времени (здесь ночь — там день) вынуждены долго приходить в себя. А вы с ходу включаетесь в работу.**

— Я от работы заряжаюсь. Мне вообще нравится жить. Поэтому я начал заниматься спортом, играю в бейсбол, не реже пяти раз в неделю бегаю.

— **Ваша жена, она ведь тоже журналист, занимается спортом вместе с вами?**

— Катя ходит на занятия. Но не бегает вместе со мной. Это невозможно хотя бы потому, что у нас разный распорядок жизни. Она — сова, а я — жаворонок.

— **Вы совсем не похожи на русского интеллигента, вечно рефлексирующего, то и дело уходящего в глубокую депрессию. Вы, право, чистый американец. Наверное, и на диване никогда не валяетесь?**

— Ну что во мне американского?! Я родился не в Америке, и родители мои — не американцы. И рефлексии я подвержен гораздо больше, чем американцы. Я часто недоволен тем, что у меня получается. И вообще скептически отношусь к телевизионной популярности. Телевизор способен сделать известным на всю страну людей абсолютно бездарных. Если, извините, по «ящику» показывать каждый день чью-нибудь задницу, то и она обретет неимоверную популярность. И депрессии у меня бывали жесточайшие. Я переживал, что работаю на систему (в бытность моего комментаторства на иновещании), как, наверное, никто другой, но доверием государства не пользуюсь. Я же был невъездным...

А на диване я действительно попросту не валяюсь. Но так уж воспитали меня родители. Отец — из российской интеллигентной семьи, в которой все всегда много учились и работали. Мой дед-еврей закончил престижнейший Петербургский инженерный институт и был послан царем в Америку изучать мостостроительство. Для России — редчайший случай. Мать — из хорошего французского буржуазного дома. А буржуазность — прежде всего строгость.

— **Удалось ли вам передать ваши традиции своим детям?**

— Я доволен своими детьми. Моя дочь от первого брака — пианист и композитор. Она закончила Московскую консерваторию сразу по двум факультетам с красными дипломами. Говорю об этом с гордостью. Кате (у меня две Кати — дочь и вторая жена) 34 года. Она замужем за немцем и живет в Германии. У нее двое детей. Моей внучке 11 лет, а внуку 6 месяцев. Для Пети я, как говорят в Америке, не биологический отец. Он сын моей супруги. Ему было 5 лет, когда мы поженились. Но я считаю его своим сыном. Мы старались, чтобы дети после разводов страдали как можно меньше. И Катя с Петей очень дружны. Мне нравится, что и как делает Петя, хотя мы работаем в разных жанрах. Его решение пойти учиться на факультет журналистики было, кстати говоря, абсолютно самостоятельным. Он вообще очень самостоятельный и независимый человек.

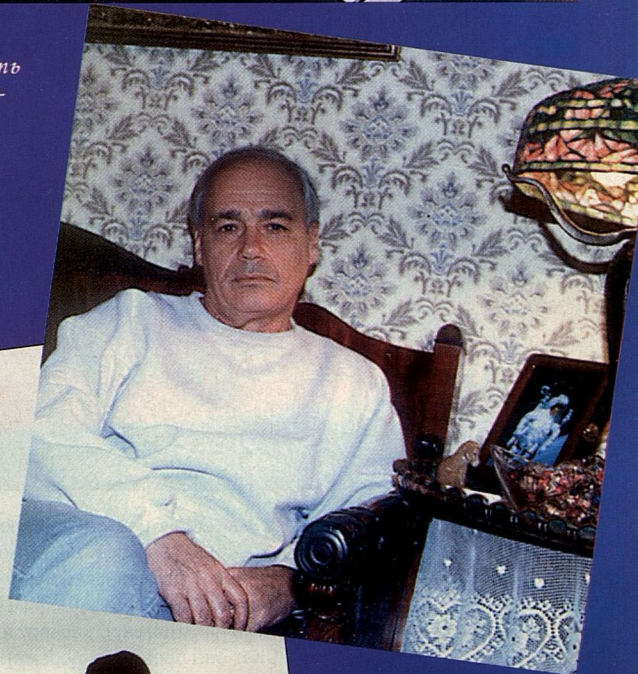
— **Но вы для него авторитет?**

— А это вы у него спросите.

Вера Орлова

С женой на приеме в честь принятия новых членов в Музей славы телевидения (Орlando, штат Флоридa)

С Филом Донахью и женой

Дома с сыном

